

ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ.

Письмо семнадцатое.

I.

В 42-й номер «Нивы» за нынешний год редакція, между прочим, помещает объявление о подписке на свой журнал за 1897 г. Полагаю, объявить иллюстрированные номера, обещается 12 книжек литературных приложений, да столько же тонких с иллюстрациями произведений И. Д. Вобаркина. И все это удешевлено стоит 7 рублей в год с доставкой и пересылкой! Как хотите, а это факт слишком возмутительный в нашей текущей периодической печати! Издавал А. Ф. Марку чистый в глаза, что за ничтожную плату он дает возможность всем истинным друзьям «благородного» печатного слова пользоваться дорогой духовной пищей. Велика его заслуга уже потому, что этот честный человек популяризирует среди русской читающей публики произведения таких видных наших классиков, как Ф. М. Достоевского, Д. В. Григоревича и, наконец, И. Д. Вобаркина. Ведь за одни эти 12 книжек можно было бы заплатить 7 рублей, а тут еще еще предлагают в приложении «литературные приложения» и повести по новейшей словесности, и очерки критические и, наконец, статьи научные! Воля ваша — человеку, поставшему так прочно, широко и выгодно свое издательское дело, необходимо обладать, кроме «признанного таланта», еще и талантом!... Какими жалкими кажутся нам теперь слова, слышанные голы, два тому назад от одного из «интеллигентов»: «ничья!» Да это, вместе с тем, только подходящий материал для чтения сельским помещикам, холостым писарям и другой подобной публики. О — доверженное жалкое фило-

сы, живущие чужим умом и чужим ходящие на поводу! Вы — перелазившие с глубокомысленным видом «Вопросы философии и психологии», как хорошо было бы, если бы тот унылый читатель «Нивы», столь вами презираемый и униженный! Смотрите же, что значится в заголовке к объявлению от «Нивы» на подлинку за 1897 год: «На всероссийской промышленной и художественной выставке в Нижнем-Новгороде издатель «Нивы», А. Ф. Марку — присужден: «за отделу народного образования» (курсив наш) — «диплом первого разряда» (курсив редакции) и по отделу художественно-промышленному «право изображения государственного герба».... Да, бываешь мой с вами из читателей интеллигентов иной раз не красными глазами от столько мучительных, сколько печальных. Вот почему, по моему мнению, тысячу раз прав критик той же «Нивы», Р. И. Сементковский, когда он в 10-м номере литературных приложений — за октябрь месяц пишет: «Если мы так часто терпим разочарования, если мы, несмотря на поток гонимых слов и добрых намерений, так мало умеем действовать с пользою, то, может быть, именно потому, что мы слишком пристрастны к теории и слишком мало присматриваемся к жизни». Чтобы показать, какой разнообразный, богатый и интересный с точки зрения интересной материал предлагает «Нива» в одном только своем литературном приложении, мы и позволим себе в настоящем письме остановиться на последней десятой книжке за октябрь месяц текущего года.

По обложке — это целый 8 печатных листов убористой, чистой печати. По программе — это любой «толстый» общелитературный журнал: здесь и беллетристика, здесь и научные статьи, здесь и критика; и биография. Наконец, как и в «толстых» журналах, чтобы не оставалось

в конце книги статей пустых мест, мы встречаем, к сожалению, чаще стихотворения строчки, чем истинную поэзию.

Критический очерк Семетевского, за который я уже сожалел, можно без ущерба оставить в стороне. Состоит он из нескольких отдельных кусочков, между которыми нет связи, «сравнительской» связи. Г. Соколов за его «интересные очерки»: «Дом» — заслуживает упрека за «прискорбные противоречия». Г-жа Дехтерева («Русск. Мысль» № 8) соблазняется за своего любимца поэта Гейна, по смыслу его поэзия себя не уяснила. Г. Южиков («Русск. Богатство» № 8, Дагестанский журналист), публицист теоретик «проявляет теоретическую исключительность».... и т. д.

Несравненно интереснее остановиться на повести А. Н. Чехова: «Моя жизнь», небольшой очерк: «Ада Негри» и очерк же П. Г. Гаврилова: «Нравы и обычаи древних славян». Я еще оставлю в стороне «продолжения» обещанных научных статей таких известных профессоров, как П. Ф. Лесгафта и Ф. Ф. Эрнста. У первого считаются «анатомические очерки» у второго «Гигиенические беседы».

Повести: «Моя жизнь» — конечно, только начало, но в по этой воспеваешь, двадцать страничек можно вычитать, что это не плод одного только истинного вдохновения и глубокого чувства, но еще больше — разсудка, варваре сложившейся теории. О гнилости цивилизации, о несправильности жизни человечества по пути прогресса, о значении человеческого труда сравнительно с фантазией — все это вопросы давнишние и стародавние. У легкой руки Ж. Ж. Руссо отрицательные на них ответы давала представительность культурных наций; у нас достаточно указать того же А. Н. Тургенева. Прибавьте к этому бредню из нашей интеллигенции, которая воспринимает не

Пермские губ. ведомости.

1896. 9 ноября. № 240.

с. 2-3.

та бы в той же «Борской колонии» или «Культурных работах»; приобщите себя к спорам и в жизни, и в печати о значимости «утилитарности творчества», а вы станете носом в носу с Шолоховым, геройской повестью Чехова: «Моя жизнь». Если угодно — тему этого нового идейского, «голодного» произведения можно направить в тропы плах: «спасая физическому труду». Шолохов, как интеллигентный рабочий-неудачник. В нем нет ничего грубо-перчатного, но что бы его нельзя было терять на службе, но так он не на службе. Шолохов сам сознается открыто: «Наклонность к утилитарным наслаждениям — напр., к театру и чтению, у меня была развита до страсти, но была ли способность к утилитарному труду — не знаю». Или можно даже он категорически заявляет: «в то время утилитарного труда я не знал никогда»....

Что же? Раз нет уверенности в полезности своей работы в качестве интеллигентного труженика, при деятельности и напряжении своих утилитарных сил, ничего, разумеется, нет никакого, останься тем же интеллигентным, выходящим человеком, посвятив свою жизнь честному, хотя бы и «черному» — физическому труду. Ничего, повторять тут пошлячество, и не к чему. Шолохову было подыскивать для оправдания себе тактику красноты и цветистых афоризмов: надо быть справедливым, сказать я. Физический труд несут миллионы людей! Факт-то это так, но справедливость и давление насмешки, и при утилитарности «настоящего» труда по документам нет ровно никакого значения, и им, г. Шолохов, должным, простовато «чужим» отдался физическому труду, раз вы честный человек, просто из силу необходимой необходимости, в силу того, что вы «не были никогда настоящего утилитарного трудом». Не бы вы, так как интелли-

гент, в силу традиций причастный к утилитарному труду, свой роковой вопрос в рывала, тогда бы вы не зачли было там же густыми темными красками расписать «интеллигентную» жизнь родного города. Зачли так злобными речами, которыми искривляете нашу затеянную горечь и выдать нас с Шолоховым с головой: «я любил, почитал его, мой родной город, но люди, с которыми я жил в этом городе, были для меня порой гадки... Во всем городе я не знал ни одного честного человека. И я отец брал вышки; гимназисты поступали на службу из своих учителей. Жена почтового начальника во время набора брала с рекрутов и даже шла нагнать. Благодарные брала с подвешенных на прищепе и переконных старости; в городской, ищущей, во прачечной и во всех прочих учреждениях каждый проситель кричал в слезы: «благодарить надо!» и просили вознаграждения, чтобы дать 30—40 коп. А те, которые денег не брали, были надменными, играли много в карты, много пили, женились на богатых.... лишь эти одышки думают мало правдивости и честности... Не правда ли какая преувеличенно-приятная картина?»

Много злорады, правды горькой, но все, что такая фраза: «во всем городе я не знал ни одного честного человека» — есть совершенно невозможный гиперболизм. Подобное развращение литературного произведения предать художественной правде, в характере главного действующего лица уже не выразимости, как хотелось бы автору, в привлечение к делу — честного правдивого человека, желающего занять в обществе подобающее для себя место, с образом своим таланта, а главное — желая жить и поступать «по совести». Когда Шолохов стал излагать, всё откровенно, всё ясно, всё рывала, что он «принимал участие»; отца и сестра «горьким».... «Насмал, просла

сестра Шолохова, искренней нашей потерей утратил тебя — исправься!».

«Сестра, дорогая моя, говорил Шолохов, как исправиться, если я убью, что поступаю по совету? Поди!....»

Новая повесть г. Чехова должна, и не должна, на многих инстинктивных интеллигентных подбавляющих ошеломляющих образах, если только они узнают о ней. Что наша интеллигенция — гавая интеллигенция в своей массе — это истина; комфорта, и в воле, с изысканного разбора удовольствия — есть действительно, характеристическая черта ее жизни. Им все еще приходится, до некоторой степени, бороться с рудиментами и обломками, все убеждать и оправдывать себя вымыслами, фальшивыми фразами, во всяком случае подвешенного, благородного дна! Все хотят быть гордыми и никто не хочет слыть во всем тружеником, работающим во всем талантом. Словом, в сознании интеллигентности, возмущенный исключительно тем, что не знает: «когда же придет интеллигентный день?» остается в полной своей силе и в наши дни. Владимир же должен Шолохову, что он указывает истинный путь к расширению этого рокового вопроса, что он с своим наболевшим, во честности и необходимыми делами разбавляющими наших армянских божков — Гривых, Петровичей и других в интеллигентных приятелей, которые «по сути» рывут — во всяком для себя дна жить!»

II.

В одних из предыдущих писем мы уже-то разбирали утрату книги итальянца Карлотта. Честный и образованный человек, благодаря своему проникательному, убого, как мы видели, подвешенному хорошему и во чужине — без жалкой инстинктивной и озадаченности. В то же время, как истинный патриот, Карлотта не только не расставался с книгой и с своей родной; он горячо высказывал твердую убе-

1.../

Н. А. Синицын